

АСЯ МИХЕЕВА

КАРТЫ
МОСТА

Ася Михеева

Карты моста

«Издательские решения»

Михеева А.

Карты моста / А. Михеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839688-5

Ты никто и звать тебя никак! — говорили они. Как можно с такими способностями не выучиться ничему? — говорили они. Какое бессмысленное хобби... — говорили они. Они были правы.

ISBN 978-5-44-839688-5

© Михеева А.
© Издательские решения

Карты моста

Ася Михеева

© Ася Михеева, 2017

ISBN 978-5-4483-9688-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В тот день, когда вдове Брана Навигена отрубили руки, я вообще не собирался выходить из дома. Тем более идти к Печальной площади, в ту толпу, которая вечно собирается у эшафота. Если бы не мой троюродный брат...

Пожалуй, лучше о нём сначала расскажу.

Нам было лет по пять или шесть, когда Ванг начал со мной водиться. Кому-то, кто напомнил ему, что со мной играть как-то не к лицу юному герцогу, брат ровно ответил, что сам выбирает себе друзей, и я его устраиваю. Он учил меня лазать по чердакам, перебираясь с дома на дом; я пересказывал ему сюжеты старинных саг (чем, насколько я помню, здорово выручал его на уроках истории). Он прятался в моей комнате под кроватью, когда разъярённая бонна наших общих кузин носилась по всему замку. Он плакал на моём плече, когда ему впервые отказала женщина. Надо сказать, впоследствии Ванг относился к таким вещам хладнокровнее; да и случались они нечасто. Мой брат хорош собой.

Я оторвался от работы с сожалением (напомните мне позже, я обязательно должен о ней рассказать) и пошёл открывать брату дверь. Ни секунды не сомневаясь, кто именно стучит. Ванг, собственно, не столько стучал в дверь, сколько тряс всю переднюю стену дома, используя для этого и кулаки, и сапоги, и витиеватые моряцкие загибы.

– Во-первых, поздравь меня капитаном, – выпалил он, ввалившись в дверь, – во-вторых, спрячь-ка меня, и жрать хочу. В-третьих, нужна твоя помощь.

Он швырнул на стол в моей узенькой прихожей треуголку, облепленную до невидимости модными перьями, кружевами и завитушками, обнял меня за плечо и потащил к кухне. Я с тоской подумал о том, что в чернильнице ещё осталось не меньше двух столовых ложек водостойкой туши – и мысленно списал их. К моменту, когда Ванг меня выпустит из когтей своей очередной авантюры, содержимое чернильницы успеет окаменеть. Ну... не судьба. Разведу нового.

– Что стряслось? – спросил я Ванга, когда он немного наелся. Ну, как немного, я не собирался выходить из дому ещё дня два. А теперь хочешь-не хочешь, а придётся.

– Это всё Гайверы, – ответил он, – ты понимаешь, сейчас на стапелях стоит только один трехмачтовик. Остальное – мелочь для прибрежного курсирования. А экзамены проходило пятеро – пятеро, и только один не выдержал, да и то его нельзя винить, человек заболел. И у меня, само собой, испытания удались лучше всех, я шёл первым.

– Ну, это же хорошо? – осторожно уточнил я.

– Старый Гайвер пошёл к Его величеству и выпросил, чтобы его младший принимал капитанскую присягу первым. Я узнал случайно. Присяга завтра.

– И Его Величество позволил?

– Не позволил, а, понимаешь ли, распорядился!

Я бы на месте Ванга тоже ушёл в нырок. Капитан, принявший присягу, сам выбирает, какой из новых кораблей он поведёт в своё первое плавание. Но как так? Всего одно серьёзное судно? Обычно наоборот, капитаны полной выслуги – штучный народ, работа тяжёлая и опасная, предварительно учиться надо многие годы – Ванг ходил гардемаринком чуть ли не с тринадцати лет, и, и... Не понимаю. Почему не строят новые корабли?

– Так что ты сделал?

– Я пошёл туда, где он обмывал экзамен, обхамил его, принял вызов и проткнул ему левое запястье.

– Ах ты ж, – невольно покачал я головой. Пробитая левая рука не относится к «увечьям, лишаящим дворянина возможности служить Короне». Да и сквозная рана может зажить со временем без далеко идущих последствий. Но выстоять присягу с астробабией в левой руке и палашом в правой Гайвороненок, конечно, не выстоит.

– То есть тебе надо просто исчезнуть, и вынырнуть только на завтрашнюю церемонию, я так понимаю?

– И собственно добраться до церемонии.

Ванг прошёл на кухню и быстренько отыскал там горшок с ещё теплой кашей и ложку, но садиться и тем более доставать тарелку не стал – завернул горшок в полу, крышку оставил на столе и вот так, с кашей наперевес и полным ртом, двинулся в мой кабинет.

Все, что я успел предпринять – это заслонить собой стол. Не то, чтобы там лежало что-то секретное, но с Ванга станется плюхнуться горшок прямо на полтысячелетнюю карту.

Но брат не заинтересовался стулом, а прошёлся вдоль шкафов, внимательно читая надписи на ящиках.

– Тааак... Нет. Я сам не найду, а главное ничего не пойму в этих древних закорючках. Где у тебя карты переходов внутри Моста?

– Да нет же таких, – изумлённо ответил я.

– Ну, ты мне же сам сто раз рассказывал, – нетерпеливо сказал Ванг, – что внутри Моста множество переходов, и что они даже где-то обозначены, и главное, ради чего я собственно к тебе и прибежал – что совершенно точно есть переходы от твоего подвала, и совершенно точно есть переход, который заканчивается под Адмиралтейством?

– Аыы! – взвыл я, – они конечно обозначены! Но отдельно карты переходов нет! Просто на некоторых старых картах есть обозначения входов и и и... ну как это назвать, мест прибытия. И кстати, половина из них уже там помечены как недействующие.

– А мне та половина и не нужна. Чёрт, мне нужны всего два работающих перехода. Отсюда куда-нибудь. Ты же не думаешь, что Гайверы выпустят меня из твоего дома? Ха-ха. Да не озирайся, к тебе-то в дом они конечно не вломятся, да им и не нужно. И откуда-нибудь до Адмиралтейства, ну я уж считаю, что Гайвер достаточно умен, чтобы отслеживать прилегающие к нему улицы, на случай, если я как-то сливаю из твоего дома. Ну, и в идеале, желателен ещё переход от первого где-нибудь до второго где-нибудь. Но без него я обойдусь, Мост большой, весь его шпиками не набьёшь.

Ванг вообще-то очень неглуп. Переходов, если судить по отметкам на картах Моста достаточно преклонного возраста, были сотни. А нам-то и нужно два или три. Осталось два вопроса – где у меня лежат достаточно старые карты городских районов Моста; и второй, более сложный – почему примерно триста лет назад переходы перестали картировать. Действовать-то они не перестали. Я сам был в трёх. Два привели меня туда, куда и обещала карта, третий оказался завален щебнем.

Хочу как-то объясниться, ведь вы же не знаете ещё ни меня, ни моих, скажем так, обстоятельств. Я не люблю приключения. Не люблю таинственности. Мне по уши хватает таинственности в моей собственной жизни. Я люблю карты и чертить. И я люблю порядок. Мне удалось сделать более или менее полный список действующих типов карт Моста и некоторых его окрестностей... что, вообще-то, насколько я знаю, до меня никто не пытался сделать. Особенно учитывая то, что только вариантов Северного берега, с которыми на сегодняшний день идёт активный обмен товарами и путешественниками, четыре. А неактивных, то ли ошибочных, то ли исчезнувших, то ли к которым закрылись пути – ну, у меня есть четырнадцать. Только Северный берег. Не лоции морей за Мостом. Не карты горы вверх над Водопадом. Не Южный берег. Только Северный.

И ещё карты самого Моста, которые тоже, мягко говоря, не совпадают в зависимости от того, идёте вы с Севера на Юг или наоборот. И многие карты уже в удручающем состоянии. Вот я и копирую их, по возможности. Так что бегать по старинным переходам – это, извините, не ко мне. Куда мне по ним идти, в конце концов?

Что же было дальше? Дайте вспомнить, тот день был хлопотным, сейчас не просто восстановить всё по порядку. Итак, первым делом я убрал свою работу, достал и расстелил три карты середины Моста примерно того времени, когда переходы ещё отмечались, но уже многие не работали. В целом между картами была очень небольшая разница во времени, другой вопрос, что одна из них предназначалась для служб уличной охраны, вторую, судя по всему, заказывал бонефикус. Немагические объекты приходилось скорее угадывать – хорошо ещё, что на Мосту полно ну очень больших и узнаваемых магических объектов.

Назначение третьей карты было на ней написано большими каллиграфическими буквами, только вот для какого использования она предназначалась – уже и не узнать.

Что значит «Пути, подлежащие закреплению, по рекомендации Союза Навигаторов Моста»? Были ли они – что бы это ни значило – закреплены? Что означают синие печати в нижней части карты? Что означает смазанная, судя по всему, тоже печатная, колонка цифр поперёк заголовка?

– Я вскипятил чайник, – сказал у меня над ухом брат, – у тебя есть кофе, чай, какао, или что ты обычно кладёшь в горячую воду?

– Кофемолка на верхней полке, – ответил я, – пакет с зёрнами там же. Только не кипятить, умоляю.

– Я умею, – фыркнул Ванг, – я же четыре года, когда ходил юнгой, варил Навигатору кофе каждый день.

– Ну, тогда же он ещё не был Навигатор? – рассеянно уточнил я, – хотя и собственная фамилия была какая-то похожая?

– Навиген он был сначала, – из кухни отозвался Ванг.

«Алиана Навиген, Орт Навиген» – значилось на третьей карте прямо под названием – там, где обычно подписываются создатели карты. Что же, у Вангова опального адмирала, видимо, достаточно старая семейная история.

Подвал моего дома – очень старый. Как и все подвалы здесь, он старше дома. Гораздо старше. Напрямую из него можно спуститься к общей площадке у основания быка и маленькому причалу – Ванг сказал, что там-то его точно должны поджидать, и соваться туда не стоит. Можно выйти на общий же проход под улицей, туда ведёт крепкая запертая дверь и её отворять мы тоже не собирались. И ещё можно было подняться на этаж между собственным подвалом и первым этажом моего дома, и вот оттуда шли два сухих узких прохода – один, который я не смог пройти – заваленный где-то шагах в двухстах от начала; и второй, который за сорок шагов выводил к башне Библиотекаря, расположенной – если идти по улице, в доброй полумиле.

Я, кажется, уже говорил, что Мост – очень непростое место.

Когда я показал Вангу, как маркировались точки переходов и как понять, где у перехода точка выхода, я с чистой совестью оставил его с картой улиц, а сам углубился во вторую. От Адмиралтейства с разных этажей, если считать с подвалами, отходило не меньше пяти путей, наверняка и подходило не меньше.

Ванг нашёл на своей карте два прохода к Адмиралтейству, оба начинались довольно далеко от Библиотечарского прохода, затем Ванг снова заварил кофе, затем нашёл проход от Библиотечарского прохода туда, где можно было нырнуть к Адмиралтейству, потом два часа слонялся вокруг меня и стонал, что мы теряем время.

– Слушай, ты, без одного росчерка капитан, – наконец разозлился я, – ты вообще помнишь, что мы работаем сейчас не с лоцией? Эти карты никто даже не проглядывал столетиями, почему ты вообще думаешь, что им можно верить? Я вот могу твёрдо надеяться только добраться до Библиотечарской, а дальше – чем больше у нас рассчитанных путей, тем больше вероятность тебе быть завтра в полдень на церемонии! Или тебе не так уж и нужен этот корабль, чёрт возьми?

В конце концов, я отправил брата поискать в кладовке, из чего можно было бы соорудить ужин, а сам углубился в карты. Чего я хотел? Найти кратчайший маршрут Библиотечарская-Адмиралтейство, и построить альтернативные маршруты от каждой точки. Получалось что-то похожее на дерево или речную дельту, немного сужавшуюся кверху – к Адмиралтейству подходили всего четыре условно рабочих хода.

Ванг на кухне уронил полку с горшками или что-то такое же звучное, шипел и ругался. Я на всякий случай подробно описал маршруты движения по поверхности от конца каждого перехода до начала следующего (иногда они были совсем рядом, но только иногда). Сухая карта шуршала под рукой, я вспомнил, что собирался её скопировать ещё полгода назад и отвлёкся на едва различимую копию Южных пристаней, которая едва дожидаясь до конца копирования – я даже перепроверить уже не смог, осыпалось всё, что не растрескалось.

Наконец я закончил и отставил в сторону опустевшую тушечницу. С листом в руках я дошёл до кухни. Полка с горшками висела на месте, светясь свежими деревянными подставками, чисто перемытые горшки выстроились на ней по размеру. Ванг разделся по пояс и гарцевал вокруг плиты с длинной ложкой.

– Я тут у тебя кой-чего повыкидывал, – буркнул он, не поворачиваясь, – в пшене жучок, жир... не знаю, что за жир, но он протух; а что было изначально в полосатом горшке, я даже не понял.

– Спасибо, – искренне ответил я. С той поры, как двор перестал присылать мне прислугу, я научился многому, но вот разобрать кухню руки так и не дошли. Всегда можно дойти

до Амизовой харчевни со своим горшком, набрать полный свежей еды и беспокоиться только о том, чтобы донести до дома целым. Меня вечно кто-нибудь да толкнёт.

С плиты тянуло тёплым сладковатым духом.

– Сейчас, – проворчал брат, – погоди, сейчас надо всё время помешивать.

Я припилил маршрутный лист к подставке для чтения во время еды и вернулся в кабинет. Надо убрать карты, снова разложить работу... Хотя, пожалуй, надо ещё позаботиться, где будет спать Ванг. И на чём.

Ванг, морская косточка, подскочил ещё до рассвета, гремел тазами в помывочной, раскопегарил плиту и насвистывал, ходя туда-сюда мимо спальни. Я не выдержал и встал, почти наощупь нашёл мантию и туфли, и поплёлся на кухню.

– Кофе налей.

– Выйдем пораньше, – распорядился брат, сидя полуголым в коридоре с жестяной ваксы и суконкой, – если быстро доберемся до Адмиралтейства, лучше посидим в ухоронке.

– Согласен, – вяло отозвался я.

Только тем фактом, что брат поднял меня ни свет ни заря и вытащил из дома, не дав даже толком проснуться, можно объяснить то, что я вообще попёрся вместе с ним. С вечера я был уверен, что отдам ему маршрутный лист и вернусь к карте.

Увы. К карте я вернулся не скоро.

До Библиотечной мы добрались вообще без приключений. Поверху там надо было перейти улицу, нырнуть в переулок, ведущий к внешнему парапету, пробраться на задворки присутствия Двухсеверной Торговой Компании и спуститься в подвал. На мой невнимательный взгляд, вокруг было практически безлюдно, но Ванг беспокойно озирался и прищёлкивал языком.

– Куда они все прутся?

– Кто они? – ответил я, ощупывая замок. Может, и правильно, что я пошёл с братом, эта система запоров была забыта уже лет двести назад, а я-то освоил их, ещё когда искал в университетских хранилищах первые рисунки Моста. А Вангу бы пришлось ломать дверь, наверное. Не то чтобы он не справился, но шум...

– Так не бывает, чтобы утренние прохожие все дружно шли в одну сторону, – просветил меня Ванг, втискиваясь в приоткрывшуюся дверь.

– А эти идут?

– Идут.

– Интересно, – сказал я и прикрыл дверь за собой, предварительно проверив, смогу ли я открыть её изнутри, если понадобится.

Второй переход оказался таким же будничным, как первый. Полста шагов, пыльный пол, тусклый свет через маленькие щели в потолке, ступеньки, узкая каменная дверь, простой двусторонний засов. Если и дальше всё так – совершенно не понятно, чего ради переходы были заброшены? Через мост ежедневно прогоняются многие тысячи грузов, и вовсе не все они громоздкие; да и гонцы сейчас толкаются на общих мостовых или, в самое загруженное время, гребут в лодочках под быками Моста – когда можно было бы переходами срезать дорогу как бы не вдесятеро.

Мы проскочили через скат для бочек на самом Южном спуске, уже почти у причалов, забрались в кухню какой-то маленькой таверны, куда меня одного ни за что не пустили бы, а Ванг ласково окликнул по имени огромную кухарку, пообещал ей поцелуй и все царства

мира, и мы юркнули в подвал, пока она ещё смеялась. Дверь открылась так же легко, как и предыдущие, но Ванг внутрь не пошёл. Только сунув нос в приоткрывшуюся щель, брат отпрянул и пробормотал:

– Не будет удачи.

Он отшагнул и мотнул головой.

– Пойдём другим путем. Сюда... не надо.

Я едва перевёл глаза с брата на тёмный промежуток между дверью и косяком, как Ванг налёг на дверь всем телом и захлопнул ее. Но мне хватило. Ванг быстро обернулся, поймал меня в локте от пола и усадил на пол.

– Что ты чувствуешь?

– Однако как удачно, что я помочился перед тем, как выйти, – выдохнул я.

– Страх? Я тоже, – быстро сказал Ванг, – я тоже испугался, ничего стыдного. В мореходке учат, что страх ещё полезнее, чем боль – это сигнальный огонь тела разуму. Не стыдись, не надо.

– Да я не... Ванг, я не от стыда. Тошнит. У меня чуть сердце не выскочило.

– А ты что-то видел конкретное?

– Нет. Только дурнота.

– А сейчас?

– Сейчас ничего.

– Посидим, – решил брат и плюхнулся рядом со мной.

Мы молча посидели, тяжело дыша. Едва стук крови в ушах приослаб, я понял, что Ванг шуршит маршрутной картой, пытаясь что-то разглядеть в полутьме.

– Отсюда самый короткий путь к Печальной площади, оттуда к Белой Башне, а оттуда уже к Адмиралтейству, – подсказал я.

– Эх. Три вместо одного, – подытожил Ванг, – хорошо, что заранее вышли.

И мы двинулись искать проход к Печальной площади.

Мы перебежали рысцей два переулочка, обогнули зады большого склада и снова нырнули в переход. За небольшим исключением это оказалось забавно – выскакивать на поверхность то там, то сям; кто бы ни следил за братом, вряд ли они сейчас имели понятие о том, где Ванг находится. От выхода до следующего входа надо было перебежать всю площадь наискосок, я только хотел спросить брата, как пойдём – осторожно обходом по стеночке или метнёмся напрямик – как врезался в спину затормозившего Ванга.

– Так вот куда они все шли, – с отвращением сказал брат.

– Что такое?

– Казнь сегодня.

Мы выбрались из выхода; на нас таращилось человек сто. Эшафот посреди площади не был ничем украшен, стало быть, казнили не дворян. На эшафоте и вокруг него было пусто. Это значит, пока всё начнётся да пока закончится, толпа не разойдётся. Вариант обходить отпадал – слишком много времени займёт толкаться по краю площади.

– Если у самого заграждения пройти, будет быстрее всего, – заметил я.

– Похоже на то.

И мы начали проталкиваться в центр площади. Люди охотно подавались в стороны при виде треуголки и яркого кителя; мостовые вообще уважают моряков. Я тихонько шёл в фарватере.

– Кого казнят-то? – специальным капитанским голосом возвестил Ванг.

Вокруг зашумели желающие оказать офицеру услугу. Версии не сходились, в толпе зашумели. Ванг, не переставая уточнять, продирался вперед.

– Зачем детей-то сюда тащите? – ругнулся он на кого-то впереди меня.

– А сообщники её сбежали, – сообщили у меня прямо над ухом.

– Один сообщник.

– Откуда ты знаешь?

– Так объявляли!

Ванг притормозил и недоверчиво переспросил:

– Зачем подрывать королевские ясли?

Меня передёрнуло.

– Сколько погибших?... Ничего себе, – тихо добавил брат и остановился, задрал голову к эшафоту. Там кто-то ходил, снизу почти невидимый.

– И ещё двое детей похищено, – добавили сбоку.

Ванг оглянулся на меня.

– Однако! Я даже похожего ничего не припомню.

Ванг непреклонно проталкивался, обходя эшафот, между толпой и невысоким ограждением. Между грубыми досками и коваными прутьями забора было шагов десять совершенно свободного пространства. Вот, шаг за шагом, мы обошли угол и начали было углубляться в толпу, когда над нами заорал герольд.

Я опять ударился о ставшую твёрдой спину брата. Он с трудом повернулся, глядя над моей головой на герольда.

Ни разу в жизни не видел брата таким. У него тряслись губы.

– Не может быть. Да не может быть.

– ...к казни через обезглавливание немедленно после поимки! – возвестил герольд. Толпа вздохнула.

Я толкнул Ванга в плечо.

– До полудня осталось часа полтора, не больше, а нам ещё вон куда пробиваться. Потом, всё это потом.

– Со снисхождением к женской слабости приговаривается к отсечению обеих рук ниже локтя!

Ванг уцепился за меня, как за спасательный круг.

– Навигатор и королевские ясли? Зачем?...

– Не знаю, – толкнул я его снова, – его все равно здесь нет, слышал же – после поимки. Идём.

Толпа вокруг жадно тянулась к тому, что происходило у нас за спиной, а Ванг бубнил:

– Локи Хромоножка... Где ж я это имя слышал-то.

За спиной раздался даже не вскрик, а какое-то рычание, вокруг нас люди дёрнулись вперёд, потом почему-то назад, меня крутнуло и я увидел, как светлая голова поднимается над краем эшафота, плечи, сложенное на груди... что-то. Фигура, пошатываясь, подошла к краю – она действительно была женская. Миг постояв спокойно, фигура качнулась, но не упала, а между ней и толпой – казалось, прямо в меня – полетело что-то, разбрасывая мелкие красные брызги. Передо мной завизжали.

– Нате, подавитесь, – негромко послышалось сверху, фигура качнулась ещё раз – я вдруг понял, что для пинка, и в толпу полетела вторая кисть. Рядом с женской фигурой появилась мужская, обхватила, потащила. Площадь притихла. И тут между мной и эшафотом завизжали снова, уже несколько голосов, истошно. Толпа дёрнулась. Нас с Вангом понесло.

Те, кто стоял далеко, ещё хотели смотреть, но те, кто был ближе нас к упавшим обрубкам – чем бы они ни были – хотели только оказаться как можно дальше от этого места. Мы оказались на вершине целой реки убегающих, я вцепился в китель брата, как клещ, но меня и так вдавило в него лицом и грудью. И тут спина и китель поехали вверх. Я почувствовал, как мои туфли отрываются от глади моста.

– Давай руку, – прохрипел Ванг откуда-то сверху, я вытянул руку не глядя. Меня дёрнуло вверх ещё, ладонь прижалась к металлическому пруту, за который я ухватился, как только мог.

– Ну, лезь же! – Ванг дёрнул меня за мантию, и я каким-то чудом оказался сидящим верхом на балюстраде крошечного балкончика, наполненного разгневанными нарядными людьми. Ванг висел головой вниз и тащил за руки визжащую женщину.

– Помогай!

Я наклонился и схватил её за руки ниже ванговых кулаков. Она взлетела из хрипящей толпы, как пробка, мы втроём повалились на хозяев балкона, Ванг вскочил и рывкнул:

– Уходите все на другую сторону дома! Девку эту заберите! – и пока я вставал на ноги, путаясь в полах мантии, брат снова свесился вниз, выпрямился с ребенком лет пяти на руках, сунул ребенка, не глядя, кому-то в руки и снова наклонился вниз.

– Помогай, помогай тащить, тут же сейчас кого послабее просто об стену затрут!

Только сейчас я осознал, с какой скоростью нас перетаскило через всю площадь и едва не разбило о стену.

Я наклонился и протянул руки вниз. На меня практически вытолкнули бледную старуху, я с трудом перетаскил её на балкон и снова перегнулся вниз. Вдвоём с братом мы выдёрнули какого-то парня в матросской рубаше, который тут же встал с обратной стороны от Ванга и перегнулся, готовый тащить. Но хрип снизу утихал – большая часть толпы проскочила мимо в переулок, в центре площади уже не осталось людей, а эшафот... Эшафот скрипя, медленно заваливался в нашу сторону. С треском выскакивали из конструкции и съезжали вниз доски.

На чёрной глади Моста медленно расширялись, сливаясь, два светло-серых круга. В центре одного из них, того, что чуть больше и чуть ближе к нам, зашевелилось, зашуршало, открылась и начала расширяться воронка. В центре второго круга то же самое случилось чуть позже, каждый из кругов был уже шагов двадцати в диаметре и продолжал расти, и серое, серый песок, которым становилась стеклянистая твердь Моста, сыпался вниз, а за песком съезжали вниз обломки одного из углов эшафота.

– Какое, однако же, счастье, что её не обезглавили, – сказал Ванг рядом со мной, – мы бы все уже в заливе плавали.

Тем временем второй угол эшафота начал сползать в дыру. Серая пыль взметнулась столбом, который не опал, а расширился, поднялся и стоял посреди опустевшей площади.

– Ветер дует с изнанки Моста. Насквозь прогорело, – заметил брат всё тем же стеклянным голосом. Я хотел было уточнить, с чего он взял... Но спохватился и сказал совсем о другом.

– Такими темпами дыра дойдет до двери прохода через полчаса.

Ванг быстро глянул на меня, отёр лицо ладонью и ответил:

– Спасибо, штурман. Побежали.

И мы побежали.

По краю опустевшей Печальной площади (она, как никогда, соответствовала своему названию), в переулок, вниз по ступенькам, сто шагов по пыльному проходу, бегом мимо Белой башни, сорок шагов и мы вышли на узкую галерею на третьем этаже Адмиралтейства. Ванг осторожно глянул через перила, моргнул и снова потёр лицо руками.

– Слушай, ущипни меня.

– Что такое?

– Смотри вниз. Там должен стоять адмиральский стол, стол комиссии, столик протоколита, лавки с родственниками и зеваками, сами присягающие, кораблестроительская делегация и ещё до черта народу.

Я глянул вниз. Широкий мозаичный пол. Блики света из высоких окон первого и второго этажей. Ни души. Ни звука. Хотя нет, кто-то то ли кашлянул, то ли сдвинул стул.

– Слышишь?

– Слышу, – хищно ответил брат и кинулся к лестнице. Я подобрал полы мантии и ссыпался следом.

На первом этаже у единственной стены без окон стояли две тяжёлые деревянные лавки. На лавке сидел и читал книгу очень толстый старик с белыми моржовыми усами. Одна нога его была в сапоге, вместо второй ниже колена шла деревяшка.

– Капитан Грюнер! – кинулся к нему брат.

– А, сынок, – обрадовался тот и торопливо, насколько это было возможно, встал.

– Капитан Вангиун Бирланд, поздравляю вас назначением и имею честь вручить вам патент, подписанный Его Величеством, – выпалил старик и протянул Вангу сложенный вдвое лист дорожной непромокаемой бумаги.

– Так... – затормозил Ванг, – а... присяга?

– Считается принесённой.

Ванг взял лист, развернул его и углубился.

Старик с выдохом облегчения сел обратно.

– А что, собственно, произошло? – Ванг стрельнул глазами в старика, и продолжил чтение, – так, патент в порядке.

– Если кратко, – сказал старик, нахмурился и откашлялся, – если кратко, так. Вчера именным указом Его Величество подарил последний корабль Абилайлу Гайверу. В связи с чем Совет Капитанов объявил себя самораспустившимся и... эээ... изрыгая устные выражения недовольства, разошёлся по домам. Вчера здесь тебя ждал капитан Рори. Сегодня ждал я. Мы были уверены, что ты придёшь, как-нибудь, переодетый, с неба свалишься, но придёшь без опоздания.

Старик посмотрел на часы.

– Да, с неба и без опоздания.

– Последний корабль? – тихо переспросил я.

– Да, последний, – Капитан Грюнер посмотрел на меня, нахмурился, – лодка к Третьему Северу окончательно перестала работать два года назад.

– А... – сказал Ванг, что-то посчитал на пальцах и тоже поскущел, – а сухопутный лес?

– В Казиме корабельного не осталось, – ответил старик, – новое сажали, и сажают, но тому расти ещё до кондиций лет двадцать. Сынок, – он кивнул Вангу, – ты бы нас... познакомил, что ли.

Я сглотнул. Ну вот. Брат кисло на меня посмотрел. Обижать старика не хотелось, а проходить весь круг заново – тоже удовольствие из средних.

– Капитан Грюнер, – мягко сказал Ванг, – это мой штурман.

Я оторопел. Ай да Ванг, ведь может и сработать.

– А звать-то тебя как, штурман? – ласково уточнил старик. Что ж. Не сработало.

Ванг вздохнул, сморщился и пожал плечами.

– Видите ли, у него врождённая детерминанта такая. Ни лица, ни фигуры, ни имени никто не может запомнить. Так что, собственно, никак не звать.

– «Эй, ты» – отлично годится, – вставил я, – кроме шуток, это самое удобное. Я отзываюсь.

Капитан открыл рот, сделал брови домиком и завопил, вставая. Мы с братом дружно застонали.

– Большая честь быть знакомым с вами лично, Ваше Высо... – начал капитан.

– Напоминаю вам, капитан Грюнер, что титулование потомков, не признанных официально, запрещается и приравнено к оскорблению Короны, – поспешно перебил его Ванг.

– Да-да, – добавил я.

– Плевал я сегодня на Корону, – встопорщил усы старик, – впрочем, понимаю. Штурман капитана Ванга. А что ж вы с такой детерминантой...

– Только не в магию, – снова перебил я его, – поверьте, были причины. Только не это.

– А не пойти ли нам к капитану Рори? – вдруг сказал капитан Грюнер, – старая кочерга ведь тоже волнуется.

И мы пошли к капитану Рори. Дорогой обсуждали исключительно вопросы корабельного леса, в которых я совершенно ничего не понимаю, так что с удовольствием не вмешивался. Почему я не пошёл домой? Тогда я не понимал, а потом смекнул, что слово «штурман» привязало меня к Вангу крепче, чем мы оба могли предположить. Ведь впервые – если не считать запрещённого «Ваше высочество», обо мне кто-то сумел сказать хоть что-то определённое. Кто бы в моем положении не пошёл?

Капитан Рори оказался таким же бодрым стариком, как Грюнер, только не кругленьким, а длинным и мосластым. Нас всех троих накормили, меня снова кое-как представили, Рори, к счастью, не вспомнил о королевском конфузе почти тридцатилетней давности, а Ванг и Грюнер не стали напоминать. На Мосту множество людей с большими и неудобными детерминантами, и многие из них не желают заниматься магией. Мой случай, конечно, самый забористый, но пониманию вполне подлежит. Мало ли кому как не повезло. Бывает, люди день своей смерти с детства знают – и ничего.

Уже ближе к полуночи, где-то на сороковой истории о том, как экзаменовались сами старики у каких-то древних капитанов, и как они сами драли восемь шкур, уже выйдя с морской службы в заседатели, капитан Грюнер вдруг озадаченно замолчал на полуслове.

– Слушай, Рори, – сказал он негромко, – ты помнишь, мы же учили двенадцать лоций сопровождений лесовозных барж. Пальцы и уши.

– Пальцы и уши, да, – засмеялся Рори, – было, было.

– Третий Север; Вторая Арка и на созвездие Оленя; Вторая Арка, назад в первую Арку, снова во Вторую и Север, Третья Арка, на созвездие Бочки, летняя лоция;

– Вторую Арку и на Юг забыл, – вставил Рори.

– Черт, точно.

Они долго спорили, загибали пальцы и хватались за уши. Ванг сбегал куда-то за бумагой и чернилами – этот дом был ему явно знаком – старики сели записывать. Двух лоций они не помнили оба. Оба были страшно смущены. Ванг, казалось, немного напуган. Я осторожно уточнил, а какие ещё бывают лоции, на меня высыпали список в полчаса длиной и кажется, ни разу не повторились. Моряки Моста плавали отнюдь не только за лесом.

– А других лоций тоже много... Нерабочих? – осторожно спросил я.

– Сотни, сотни, – ответил Грюнер.

– И переходы, – сказал я Вангу.

– И дыра в Мосту, – меланхолично сказал брат.

Старики не обратили на наши слова никакого внимания. Две забытые лоции – это для них было слишком. Рори полез на верхний ярус библиотеки за какими-то конспектами, Грюнер строго велел нам принести добавки всего из кухни, чем мы и занялись.

– Слушай, а ведь действительно, какое множество всего не работает, – сказал я Вангу.

– Да что может вообще работать при таком правлении? – желчно ответил брат, нарезая холодное мясо, – мы, конечно, махнули рукой и разошлись, но это же... как можно взять корабль и подарить? Он же не королевская собственность.

– А чья же? – усомнился я.

– Ну, торговые и причальные сборы, десятина с каждого фрахта – всё это идёт в Канцелярию Мореплавания, а там уже распределяется – что на ремонт верфей, что на закупки всякие, что на мореходное училище, что конкретно на новые корабли.

– А разве канцелярии все не королевские?

– Вообще-то нет, по-моему. Королю ежегодно вносят... слушай, не знаю сколько, каждый дом на Мосту, и кажется, ещё на каждом берегу в бухте за дома платят, только поменьше. И за пользование сухими въездами. А канцелярии Короне денег не дают. Прямо, по крайней мере. Я когда у наследника в адъютантах ходил, поневоле всего этого нахватался.

– Тогда да, не правильно. А что ж никто не возмущается?

– Навигатор возмущался – и где он теперь? – ответил вопросом на вопрос Ванг, составил несколько блюд одно на другое, прижал рукой с зажатым в ней кувшином и двинулся к гостинной.

Я взял второй кувшин, корзинку с хлебом и поплёлся следом.

К нашему возвращению из кухни два старых капитана выкопали в горе старых роривских конспектов одну из утерянных лоций. Я сам её тоже, право сказать, забыл бы с удовольствием – на выход она требовала шесть раз нырнуть туда-сюда между быками Моста, при этом не запутаться в арках, да и возвращение с неё к Мосту было непростым.

Я и раньше знал, что Мост сложен. Но мне даже не приходило в голову, что сложность его простирается на десятки миль сложенного вокруг него в бумажный фонарик океана. Сложность берегов заканчивалась съездом на наружные стороны Южного и Северного мысов; если уж ты выбрал определённую дорогу на развилках после спуска на землю – ты уже не перепутаешь Второй Север с Третьим. В океане же ты попадал в другое море и приходил к другим берегам, просто выйдя из-под не той арки или взяв не то направление. Ну и даже попав в то море, в которое собирался – надо было знать тамошние берега, тамошние порты, тамошние рифы и отмели и товары, которые стоило туда везти и там покупать.

Так или иначе, оставалась последняя недостающая лоция. Мне смутно казалось, что бурная активность по тому, чтобы её, во что бы то ни стало, найти – это была непроизвольная реакция людей, неспособных смириться с тем, что в действительно важных событиях последних дней от них ничего не зависело. Так что трое капитанов без кораблей, один свежеспечённый и двое отставных, допили и доели всё, что было на столе и засуетились, надевая кители. Рори подумал и осторожно предложил мне гражданский плащ. Дело шло к вечеру, я согласился.

– Куда мы? – спросил я, вприпрыжку поспевая за стариками (Грюнер на своей деревяшке скакал так, что молодому впору) и Вангом.

– В университетскую библиотеку, в архив. Там есть отдел списанных лоций.

– А не поздно? – удивился я.

– Так она же круглосуточная, – с некоторым недоумением просветил меня брат, – я сколько раз туда спать ходил. Под стол заберёшься в углу, и вася-кот.

– А свет?

– Ну, маги сами светят, а моряки белый фонарь берут, его обычно как раз на ночь же хватает.

Я заткнулся. С одной стороны, я уже достаточно устал, чтобы пойти домой, с другой – куда девать рорин плащ? И что они будут уже делать, когда найдут ту самую лоцию?

На последний вопрос ответа я не получил. Нужной книги – точнее двух – в библиотеке не было.

Старики с Вангом на побегушках перерыли четыре шкафа, прежде чем сдались и кликнули дежурного младшего архивариуса. Сонный архивариус посоветовал перебрать каталожные карточки выданных на руки изданий и канул в глубь библиотеки.

Карточки нашлись, но старики, кинув на каждую по взгляду, дальше уже смотрели на них, как на повестки в суд. Или на тот свет. Ванг покрутил обе в руках.

– Выдано на руки, три месяца и... эээ... год и два месяца назад. Одному и тому же человеку, адрес указан. Кстати, это недалеко. Утром я могу к нему сбегать.

– Да как бы тебе сказать, сынок, – неловко ответил Рори, – я был уверен, что этого человека казнили... эээ... пятьдесят три года назад. Я в какой-то момент подумал, может родственник, но у него почерк характерный.

– А я вообще забыл, что я его знал. А я ведь знал. Он-то был магом, а вот его отец – мой первый капитан. Но я действительно о нём никогда не думал. Вообще никогда. С... с какого же года? Да, пятьдесят три, точно, – сказал Грюнер, – как-то это вообще неестественно. Мы же с ним... и вдруг ни одной мысли за столько лет. Ни разу не вспомнил. Я... я о себе лучше как-то думал.

– Пошли навестим, пока ещё не ночь? – предложил Ванг, – тем более есть веский повод, а угощения купим по пути.

– Да само собой, – твёрдо сказал Грюнер, – ну как же так? У него же дети были... два уже взрослых парня... Усы Грюнера повисли, он медленно повернулся к Рори, – подожди. Подожди. Ведь наш мальчишка – Навигатор – это его старшенький же.

– Что? – спросил Ванг, – ЧТО?

Дом, в котором жил таинственно забытый читатель библиотечных книг, действительно был недалеко. Через каменную ограду из материала Моста (что означало – дом очень, очень старый) перегибались ветви деревьев. Над маленьким крылечком покачивался на ветру яркий белый фонарь. Грюнер поднялся на крыльцо и заколотил в дверь.

Послышались старческие шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, из-за неё пролился жёлтый свет, в свете нарисовалась худенькая фигурка в длинном платье. Нет, в мантии, подпоясанной домашним фартуком.

– Петеан, живой, – продребезжал не своим голосом Грюнер.

– Живой! – более бодро отозвался Рори, – и не разъелся ни на унцию, глиста в стакане.

Старичок в фартуке совершенно не удивился, но очень растрогался. Немедля ввёл всех через узенький коридорчик в библиотеку (которая на вид была не меньше дворцовой), примерно указал направление, где искать университетские книги, а сам перестал улыбаться и заторопился куда-то обратно в коридор. Из приоткрытой двери я расслышал глухой женский стон.

Петеана не было с минуту, вернулся он смурной, но, глядя на Грюнера и Рори, вновь нежно заулыбался.

Когда Грюнер начал рассказывать о своей и рориной жизни, старичок благодушно его прервал, сообщив, что он-то всё знает, и за их жизнью поглядывал, и вообще. Рори обиженно уточнил, почему тот не давал о себе знать, старичок всё с тем же благодушием сообщил, что заклятие незамечаемости, под которым он жил сорок с лишним лет, всегда приравнивалось к гражданской казни... Тут он извинился, и снова убежал.

– У него болеет кто-то? – осторожно спросил Грюнер.

– Ну, спроси, – буркнул Рори.

Старичок вернулся. Рори спросил.

– Рори! – встрепенулся старичок, – а ведь... ведь вы же бывали... Как лечат людей, на которых не действует магия? У неё обе руки опухли... И красные пятна почти до плеч. И лихорадка. И... она уже не бредит, только стонет.

– Петеан, осел ты старый! – взревели буквально в один голос наши старики, – что ж ты молчал?

– Точно магия не действует? – уточнил Грюнер.

– Никакая. Никогда. Семь лет её знаю – ни разу ничего.

– Это ранение? Какая рана? – уточнил Грюнер.

– Обе руки ей отрубили, – тихо ответил Петеан, – сегодня утром. Культы перевязали, конечно. Но кровь сочится, остановить я не могу.

Ванг со свистом втянул воздух.

Грюнер оглянулся.

– А-а, сынок. Отлично. На втором причале северной стороны стоит Ашмианское судно, их привёл капитан Вурген прицепом. Они собирались ещё с неделю расторговываться. Беги туда сломя голову, приведи их корабельного доктора. Скажешь ему – ампутация, сепсис. Неси его хоть на руках с его чемоданчиком. Иначе девчонка умрёт к утру.

– Что сказать? – уточнил Ванг.

Грюнер медленно и раздельно повторил. Ванг кивнул и исчез в темноте – только звякнули подковки на сапогах.

– Ты думаешь, есть надежда? – спросил Петеан.

– Надежда, не более, – хмуро ответил Грюнер, – много времени прошло. Они что же, не знали, что девчонка невосприимчива?

– Откуда мне знать, – тихо ответил Петеан.

– В недетерминированных морях вообще магией не лечат, кто там долго жил, тех берёт тоже плохо... – добавил Рори, – она приезжая?

– Она даже не приезжая, – ответил Петеан, – она поднятая.

– Ой, нет, нет, – замахал Грюнер руками, – давай договоримся, что приезжая. А что с ней случилось-то, – он осёкся, посмотрел на выход, где уже и след от Ванга простыл, перевёл взгляд на меня.

– Ээээ... эээ... Вы же... вы же что-то рассказывали с Вангом, вы оба были на казни сегодня утром?

– Мы мимо шли, – неловко ответил я, – а не смотрели. И я толком так и не понял, за что её казнили, и при чём тут Вангов Навигатор. И каких-то детей похитили из королевских яслей... И погибли люди... И подорвали ясли. Это что в толпе говорили.

– Подорвали ясли? – недоумённо спросил Рори.

– Не сами ясли, конечно, – со вздохом сказал Петеан, – а стену в подвале. Чтобы внутрь попасть. Про погибших не знаю, Колум убежал с малышами на корабль и тут же уплыл, конечно. А Локи же бегать не может. Она... отвлекала, как я понимаю, погоню, как умела. Так что могли быть погибшие. Увы.

– А зачем ей королевские дети? – не выдержал я.

– Почему королевские? – растерянно ответил Петеан, – её дети. Эрик и Уна.

Послышался слабый стон, старичок встрепенулся и исчез за дверью.

Капитаны переглянулись.

– Что ни новость, то прелесть, – подавленно заметил Рори.

– То есть, раз она совсем к магии нечувствительна, – уточнил я, – то она ни сама руки не отрастит, и никто ей не отрастит?

– Да она вообще помрёт сейчас, – сказал Грюнер, – если твой капитан за час не обернётся. И да, конечно, даже в самом лучшем раскладе рук у неё больше не будет. Никогда.

– А людей, нечувствительных к магии, на Мосту никогда не казнили, не ранили?
– Да ранили, наверное, – пожал плечами Грюнер, – сколько раз в кабаках-то. Всякое бывало.

Я подумал и рассказал капитанам, что произошло с упавшими на мостовую руками Хромоножки.

– Когда мы уходили с площади с Вангом, дыра была сквозная и в четверть площади. Но росла уже очень медленно. Не знаю, что там сейчас.

Рори медленно подвигал челюстью.

– Так. Сейчас мы не будем ни о чём спрашивать Петеана. Ему не до того. Идём в библиотеку и ждём возвращения мальчика. После того, как что-то определится с девочкой, можно будет обсуждать, что происходит.

Они медленно и вдумчиво нашли свою недостающую лоцию. Медленно выписали её на лист. И молча сидели за столом в библиотеке, вздрагивая каждый раз, когда из тёмного коридора слышались торопливые шаги Петеана или стон. Старичок бегал туда-сюда, что-то носил – то питьё, то мокрые полотенца, сбивать лихорадку. Ожидание тянулось.

Я услышал топот издалека – еле слышные звуки в темноте. Звякали подковки на сапогах Ванга, глухо стучали чьи-то подошвы. Второй бежал вместе с братом. Я поспешил открыть дверь им навстречу.

– Где она? – рявкнул чисто выбритый мужчина в блузе, похожей на крестьянскую. На топот выглянул Петеан, закивал, поманил за собой. Мужчина оглянулся, ткнул в меня пальцем:

– Ты иди с нами, поможешь.

В комнатке, где лежала прямо в пропитанной кровью одежде женщина, прижав к груди обрубки рук, доктор оглянулся и выругался сквозь зубы.

– Принеси всё чистое, – сказал он мне, – и лучше бы отутюженное.

– Не-не, я сам принесу, – вклинился Петеан и убежал.

– Тогда срезай с неё одежду, вот, ножницы возьми, – сказал он мне, раскладывая свой чемодан на столе, – прямо разрежь рукава, и всё остальное потом. Не бойся.

Я резал. В комнате запахло чем-то резким, доктор наклонился рядом со мной над Хромоножкой и прижал к её руке выше локтя флакон с зеленоватой жидкостью. Из флакона высунулись остренькие ножки и вонзились в распухшую покрасневшую кожу. Он слегка сжал флакон, ножки втянулись. Доктор приподнял руку Хромоножки и приложил флакон с другой стороны.

– А ты режь, режь, не зевай, – строго сказал он мне, – всё с неё срезай. Обкалывать буду, пока антибиотика хватит, по ампуле на руку, третью в шею. А там, может, уже и пить сама начнёт. У вас тут стрептококк непуганый, должно быстро взять.

К тому моменту, когда я окончательно стащил с беспмятной девушки остатки рубашки, а доктор бросил на стол пустой флакон и вытащил второй, стало заметно, что та её рука, что до плеча покрылась мелкими проколами, чуть побледнела и выглядела не такой распухшей. Я приободрился.

Пришёл Петеан со стопкой белья, доктор велел ему сложить все на стол и выгнал прочь.

– Нечего тут смотреть. Дочка оклемается, тогда придёшь. Иди, дед, иди.

Он впрыснул в левую руку, плечи и подмышки Хромоножки второй и третий флаконы, показал мне, как постелить чистую постель под бесчувственного человека, не поднимая его, закапал что-то Хромоножке в глаза и с сомнением поглядел на меня.

– Сейчас буду шить культю. Если обещаешь не падать в обморок, можешь остаться помочь.

Я пообещал не падать.

И не упал.

– Нить не дёргайте, она сама рассосётся, – размеренно объяснял доктор, втыкая изогнутую иглу прямо в тело, – ничем не мажьте, ничем не присыпайте местным, я дам раствор, омывай им и после каждый раз оборачивай в чистое и утюженное. Грязное с неё всё выброси. Болеть будет у неё адски. Дам шарики, растворяй по одному в воде, давай пить. Шарик в день, не больше, а то умрёт. Больше не давай, пусть лучше покричит. Хорошо, что сейчас не в себе, а то мы б с тобой намучились держать и шить.

Он ловко обмотал каждую культю чистой тканью, приподнял голову Хромоножки и влил ей чего-то в рот. Едва глоток.

– Ничего, по слизистой рассосётся... Очнётся, раз в час давай вот этого по глотку. Больше не надо. Простой воды, чуть подсоленной, давай побольше, сколько выпьет. Давай, выхаживай её теперь. Звери у вас тут власти... Ладно, я пошёл.

Он аккуратно сложил в чемоданчик пустые флаконы, иглы, скальпели и страшный резак, которым выравнивал концы костей. Потрепал меня по плечу, ободряюще улыбнулся и исчез.

Я никогда больше не видел этого человека.

Хромоножка перестала стонать и дышала ровно. Я пошёл искать кухню, чтобы приготовить воды к тому времени, когда она очнётся.

В библиотеке на двух сдвинутых лавках спал Ванг, укрытый моим, то есть на самом деле рориным плащом. Я вернулся в коридор, и толкал каждую створку, пока за чем-то, что в жизни не отличить от шкафчика, не показался свет.

Петеан и старые капитаны занимали крошечную кухоньку полностью; деревяшка Грюнера не поместилась и высовывалась в проход.

– Что, что?

– Спит, – сказал я, – доктор ушёл, сказал поить побольше и дал два лекарства, давать понемножку. Лихорадки нет уже.

– Чудо сущее, – восхищённо сказал Петеан и дёрнулся на выход, но не смог протиснуться мимо Грюнера.

– Не чудо, а знание, – флегматично отозвался Рори, – как твоя магия, просто по-другому.

– Выпусти меня, Морри, – сказал Петеан, – надо положить принца спать и отнести девочке воды.

Я слишком устал даже для того, чтобы поморщиться. Спать. Великолепная идея.

Кажется, это была собственная кровать Петеана, я не стал уточнять. Разулся, стащил заскорузлую мантию – утром надо будет постирать – упал, укрылся и успел вздохнуть, и тут настало утро.

Окно маленькой комнаты выходило прямо на океан, и солнце, поднимаясь из воды, простреливало всю комнату насквозь. Никаких занавесок. Кровать, нелепо большой одёжный шкаф, умывальник, белые стены. Это я-то считал свою спальню скромной. На табуретке у изголовья лежала свёрнутая тёмная одежда. Моей грязной мантии на полу не было. Похоже, Петеан дал мне что-то своё переодеться.

Вообще-то, только по оттенку ткани и можно было отличить то, что я снял вчера, от того, что надел утром. Мы с Петеаном, видимо, были одного роста и одной толщины. Значит, я вот такой – хрупкий по сравнению с другими. И то сказать, на брата я уже много лет смотрю снизу.

Я обулся и медленно выбрался из спальни. Куда идти? Я толкнул первую попавшуюся дверь, открылась огромная светлая зала с мягким ковром на полу. У дальней стены стоял низкий широкий шкаф с... с игрушками? Множеством игрушек. Я попятился и закрыл за собой

дверь. Детская во дворце меньше раз в пять, и игрушек там... тоже меньше. Кто такие дети Хромоножки?

Тут я понял, что вдоль стены лежали сложенные матрасики. Пара десятков, не меньше. Зачем двум детям столько? Значит, их было не двое?..

Я почувствовал, что устал от загадок и хочу домой. Но... я же не сказал Петеану, какие лекарства и по сколько давать Хромоножке. «Больше шарика в день – умрёт», вспомнил я слова доктора. О, только бы он не напоил её чем-нибудь не тем. Я повернулся к пустой детской спиной и пошёл искать.

Быстрее всего нашлась спальня Хромоножки. Она лежала на высоком изголовье, укрытая по пояс одеялом, в чистой одежде, и пила с ложки воду. Петеан оглянулся на меня

– Вы уже проснулись? Вы помните, что доктор велел ей давать? А то я не знаю и боюсь напутать.

– Конечно, помню, – сказал я с облегчением, – вот этого по глотку в час, а если будет сильная боль, то разводить шарик и один в сутки спаивать. Больше нельзя, опасно.

Петеан кивнул, отлил в ложку часового питья и дал девушке. Она поморщилась, но проглотила.

– Где вы тут нашли хирурга? – спросила она. Голос глуховатый, как будто сорванный.

– Капитаны знали какой-то внешний корабль, – ответил я, – Ванг сбегал за их врачом.

– А, понятно, – ответила она, – что ж, повезло. Или... не повезло. Я-то думала, шансов нет.

– Локи, – с упрёком сказал Петеан.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Петеан подержал ложку на весу и тихо опустил в стакан.

– Спит, – сказал он, – спасибо вам, Ваше высочество...

– Ох, сказал я, – пожалуйста, не называйте меня так. Лучше никак.

– Но... Понимаю. Ммм. Видите ли, кроме того, что я вам так благодарен за помощь доктору... Я не знаю, как вас просить, насколько это вообще уместно, – он замялся, – видите ли, когда с вами произвели эту... злосчастную манипуляцию, я был под заклятием. Мало того, что моего мнения никто не спросил, никто меня вообще не предупредил, что мои записи вообще остались во дворце. Вы не откажете мне... внимательно посмотреть вашу детерминанту?

Я пожал плечами.

– Вы, наверное, последний бонефикус Моста, который её ещё не разглядывал. Конечно, смотрите.

Петеан встал, укрыл Хромоножку по плечи и на цыпочках вышел из комнаты. Я двинулся следом.

Петеан заглянул в библиотеку, задумчиво почмокал и попятился. Тихонько прикрыл дверь и задумчиво постоял перед закрытой.

– Здоров спать молодой моряк-то, – сказал он, – пойдём на кухню тогда. Пара листов и перо у меня там есть, вдвоём не тесно.

– А где капитаны? – полюбопытствовал я.

– Вечером обещали вернуться. Нам хоть уже и немного надо спать, но всё ж таки совсем без сна нельзя.

Старичок вытащил из какого-то ящичка свёрнутую в рулон бумагу, из хлебницы – пару металлических перьев и чернильницу и со всем этим забрался в угол за столом.

– Мне... эээ... надо бы поглядеть вас в движении. Вы не могли бы, ммм, например, кофе нам сварить? Как раз я буду уже... ммм... готов что-то сказать.

Однако. Предложение выгодно отличалось от традиционного «Повернись. Наклонись. Подними руки. Ещё повернись». Зажечь плиту. Набрать воды в чайник из малой колонки. Хорошо Петеану-то, я хожу за водой на дворовую колонку. Поставить чайник на кованую решётку над огнём; найти коробку с намолотым кофе, соль, корицу, выставить печенье на стол... Сполоснуть кофейник кипятком, насыпать кофе в сетку, залить кипятком, зажечь спиртовку и поставить на неё кофейник, налить в чайник новой воды, чтобы зря плита не прогорала. Что ещё? Достать чашки.

Петеан улыбнулся, указал мне глазами на второй стул и продолжил быстро-быстро писать.

– Две минуты. Как раз кофе настоится, – пробормотал он.

Я стал смотреть в окно, на деревья в маленьком дворике, узкую улочку, глухую стену противоположного дома. Кажется, на втором или третьем этаже там были-таки окна, но из-за листвы не разглядеть. Наверное, уже пора. Я закрыл спиртовку и налил кофе в чашки.

– Спасибо, – сказал старичок, перечитывая написанное, – да. Вам интересно?

Я вытаращился на Петеана.

– Вообще-то, вы первый, кто предлагает мне что-то рассказать. Обычно меня после осмотра, наоборот, уводили.

– Ну, ещё бы, – кисло пробормотал Петеан.

Он задумчиво откашлялся.

– Начиная с начала... Где-то около шестидесяти лет назад, будучи вполне профессионально успешным магом, я имел, ммм... неосторожность разработать приём, позволяющий увеличить магическую ёмкость. Само собой, бонефикусы к этому приему внимания не проявили, а вот для торговцев, моряков... Для домовладельцев, караванщиков... в общем, для людей, у которых профессия предполагает пользование одним-двумя заклинаниями, это бывало важно. А приращение детерминанты для такой ёмкости – в общем, ничем опасным не грозит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.